

RU

Локусные именованя в житии Афанасия Александрийского

Ильин Б. Б.

Аннотация. Цель исследования - раскрыть особенности реализации категории пространства в тексте жития Афанасия Великого. В статье рассмотрены и проанализированы лексические экспликаторы (локусные именованя), репрезентующие образ пространства в житии. Показано, что городское пространство становится ведущим при организации пространства в тексте. Отмечается, что представление о святости определяет в жанре жития аксиологическую трактовку пространства. Научная новизна заключается в подходе к изучению категории пространства жития через анализ семантики локусных именованя. Полученные результаты показали, что именная лексика с пространственным значением в житии Афанасия репрезентует географическое пространство, становится идентификатором локусов и в связи с жанром жития приобретает религиозно-этические коннотации.

EN

Spatial Nominations in Athanasius the Great's Hagiography

Ilyin B. B.

Abstract. The paper aims to reveal specificity of the space category realization in Athanasius the Great's hagiography. The article analyses nominal lexical units (spatial nominations) representing space image in the hagiographic text. It is shown that urban space plays the key role in textual space organization. It is noted that the sainthood conception determines axiological interpretation of space in the hagiographic text. Scientific originality of the study lies in the fact that the space category in the hagiographic text is examined through the lens of spatial nomination semantics. The findings indicate that in Athanasius the Great's hagiography, nominal lexemes with spatial meaning represent geographic space, serve as locus identifiers and acquire religious and ethical connotations typical of the hagiographic genre.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена неослабевающим интересом к категории пространства в древнерусском тексте. Вместе с тем отметим, что категория пространства в житии Афанасия ранее не рассматривалась.

Для рассмотрения интересующей нас проблемы были поставлены следующие задачи: 1) выделить лексемы или словосочетания, именующие и репрезентующие пространство в тексте жития Афанасия; 2) проанализировать семантическое наполнение лексем, которые репрезентуют локусы, связанные с событийно-сюжетной организацией жития; 3) проанализировать семантическое наполнение лексем, которые репрезентуют локусы, связанные с библейской и христианской историей; 4) рассмотреть лексемы с пространственным значением, репрезентующие образ мира в житии.

Для достижения поставленных задач были использованы следующие методы исследования: метод наблюдения и описания, метод компонентного и контекстного анализа.

Теоретической базой для исследования послужили научные труды отечественных лингвистов, занимающихся вопросами лингвистического анализа текста (И. Р. Гальперин, Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова), вопросами семантики (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Анна А. Зализняк, Е. С. Кубрякова, М. В. Пименова), исторической лексикологии (В. В. Колесов, А. М. Камчатнов, В. Б. Крысько), изучением категории локативности в языке (М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский, Л. Н. Федосеева, Е. А. Фёдорова), анализом категории пространства в древнерусском тексте (Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачёв, В. Н. Топоров, А. М. Ранчин) и в древнерусских житиях (Н. Н. Бедина, Т. В. Беднягина, Е. О. Когатова, Т. В. Ицкович, В. П. Фёдорова и др.).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при изучении категории пространства в древнерусском языке в рамках курсов историко-лингвистических дисциплин, а также для выявления общих закономерностей функционирования лексем с пространственным значением в агиографических текстах.

Источником языкового материала исследования стало житие Афанасия Александрийского, которое представлено в Успенском сборнике [12, ст. 5а26-8619]. Текст условно можно разделить на две части [1, с. 147]. Первая часть – о детстве и взрослении Афанасия – близка латинской версии «Луга духовного» Иоанна Мосха на латинском языке и «Синайскому патерику», написанному на греческом. Вторая часть, посвящённая борьбе Афанасия с арианской ересью (от Никейского собора до изгнания и кончины), восходит к византийской Хронике Георгия Амартола и переведённому на древнеболгарский с большим количеством русизмов Временнику IX века [14, с. 18].

Локусные именованья как экспликаторы категории пространства

Пространство, фиксируемое в тексте, описывается через обращение к таким понятиям, как топос и локус. Пересекаясь в своих значениях и обладая определённой традицией употребления, они вызывают трудности при разграничении понятий [8; 11]. Связь локуса с определением места несомненна. Ю. Лотман, вслед за С. Ю. Неклюдовым, подчёркивал: «Художественное пространство в литературном произведении – это континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [5, с. 261]. Локус – часть этого континуума, и для него характерны те же связи – с событиями и героями. Помимо осуществления связи с объективной реальностью, локус эксплицирует семантику пространства в художественном тексте и находится в тесной связи с другими текстовыми универсалиями: «В совокупности с речевыми средствами их воплощения эти смыслы образуют соответствующие текстовые категории – категории времени, пространства, героя, события» [13, с. 7]. Топосами мы будем называть фрагменты жития, становящиеся при построении текста «общими местами» [9, с. 432].

Локусы понимаются нами как осмысляемые объекты действительности, номинируемые лексемами – локусными именованьями. Локусные именованья выражаются существительными (*градъ*) или именными словосочетаниями (*на чистъ мьсть, Костянтинъ градъ*), реализующими пространственную семантику. Таким образом, локусное именованье – языковая единица, используемая в тексте, являющаяся референтом фрагмента пространства, реализующая одно из лексических значений слова и приобретающая текстовые значения.

Локусное именованье как фрагмент категории локативности, оказываясь в текстовом окружении и участвуя в формировании текстовой категории пространства, может соотноситься со временем и героями, а также встраиваться в систему пространственных координат, заданных в тексте. Происходящие с героем-святым события и упоминания о библейском прошлом становятся в тексте жития значимыми для понимания текста. Локусы жития связываются с настоящим текстовым временем, то есть с тем, что происходит с героем и становится основой описываемых событий его жизни, прошедшее же текстовое время следует связать с событиями христианского и библейского прошлого. Таким образом, локусные именованья репрезентуют локусы жития, которые могут быть разделены на две группы:

- 1) **локусы героя**, то есть локусы, связанные с героем и событиями его жизни (например, нахождение святого в доме или в церкви);
- 2) **локусы памяти**, то есть локусы, связанные с христианским и библейским прошлым (например, собор в Никее).

Если первые связаны с повествовательной структурой жития, то вторые создают христианское пространство в тексте путём прямых или косвенных отсылок к Библии или к местам, связанным с христианским прошлым. Локусы памяти встречаются в речи героев или в речи повествователя, обычно выступая в качестве аналогии для события или героя в житии. Таким образом, именуется только те локусы, которые становятся важными для событий жизни святого или которые связаны с сакральным, божественным.

Локусы героя в житии

Главным локусом в житии становится город Александрия, в котором Афанасий впоследствии станет епископом: *рѣкше стѣаго аванасия великааго истинъ забральника · проповѣдника великаа · александръскааго града първостольника бывша* [12, ст. 565-11].

Указание имён и мест в названии жития проспективно указывает на самое важное – то, что связано с жизнью святого. В заглавии используется оттопонимическое прилагательное, которое становится указанием на место деятельности святого Афанасия: *житиѣ стѣо оца нашего · аванасиа архиепикуона · александръскаго* [Там же, ст. 5а30-31]. Такое обращение к топониму подчёркивает связь с местом деятельности и жизнью святого. Афанасий становится *genius loci*, историческая память о котором связывалась с Александрией.

Названный городской локус актуализируется в различных контекстах. Речь о Никейском соборе заканчивается словом об арианских священниках из Александрии: *придоша... на ария // прозвутеры бывшая въ александрии* [Там же, ст. 666-15]. Упоминается этот город и в сцене, когда Афанасий прячется от преследований в доме девицы, а горожане не знали, где он: *ни ѹдинъ же отъ члѣвкъ соущихъ въ александрии за тоу · с' · льпѣ · вѣдааше кѣде усть патриархъ* · [Там же, ст. 7626-29]. Город воспринимается как социальное и религиозное пространство, как общность людей.

Если в рассуждениях и речах пространственная локализация встречается спорадически, то в повествовательных фрагментах она актуализируется, становится важной для создания житийного континуума, а значит, происходит детализация городского локуса. С детством Афанасия связан эпизод, когда он, будучи

ребёнком, крестил других детей в морской воде по христианскому обряду, а епископ Александр наблюдал за этим. В связи с епископством Александра снова именуется город: *· Въ то же время иже в стѣхъ александръ папа александрия* [Там же, ст. 5625-28]. Названо и место, на котором происходила детская игра: *· ъдиною приникъшию ѡмоу и зрящю ѡмоу на море · видь на чисть мьсть дѣти играюща* [Там же, ст. 5625-31].

Лексема «*море*» является природным локусом и употреблена в своём прямом значении «большое пространство с горько-солёной водой»; в связи с крещением детей оно приобретает сакральный статус, однако такое значение в тексте жития не актуализируется. Слово служит локализатором для места действия: с ним соотносится оборот «*на чисть мьсть*», который является локусным именованием и обозначает часть пространства, свободное и открытое место, где совершается действие. В контексте оно соотносится с морским берегом. Обороты «*чисто мьсто*» и «*поусто мьсто*» в Успенском сборнике выступают как синонимы. В Житии Феодосия Печерского их различие строго не дифференцировано. Однако в Житии Пахомия «*поусто мьсто*» связано с событиями, приведшими к трагической развязке (смерть дев), в житии же Афанасия «*чисто мьсто*» связано с обрядом крещения.

В городском пространстве Александрии выделяются ещё два локуса: дом девы, у которой укрывался Афанасий, и церковь, в которую Афанасий приходит в первый раз после воцарения Юлиана: *· стѣи аванасии изиде из дому дѣвица тоя · и паки нощю въ цркѣ прииде* [Там же, ст. 7в3-6]. Дом воспринимается не просто как чѣ-либо владение, в житии оно становится местом укрытия святого. Церковь – место явления Афанасия после долгого исчезновения, когда никто не знал его судьбы, и потому оно воспринимается как воскрешение из мертвых: *· яко из мьртвыхъ приша его жива* [Там же, ст. 7в8-10].

Ещё один локус детализирует пространство города Александрии – языческий храм Серапеон: *· вранамъ летящемъ въ капище серапионе въ александрию* [Там же, ст. 8а3-6]. Таких Серапеонов в Византии было несколько, один из них находился в Александрии [3]. В этом контексте лексема «капище» обозначает «языческий храм (сооружение) или место для языческих обрядов».

В связи с вынужденным побегом Афанасия в текст вводится новый локус – река Нил: *· тѣмъ же паки нощю избѣгшию ѡмоу къ рѣцѣ нилоу пришедшию ѡмоу · хотящю же ѡмоу въ кораблицѣ вѣнати* [12, ст. 7г12-16].

Другой городской локус, названный в тексте, – «*Костянтинь градъ*» (Константинополь). Он упомянут в связи с воцарением Юлиана и его деятельностью по реставрации язычества: *· идольская отъвѣрзая капища и жьртвы · творя костянтину граду тухии людская · иде же тоя тухия коумиръ столашеть и отъвѣтъ створиша · блазньнымъ идоломъ порабощение* [Там же, ст. 7в25-31]. Языческое пространство описывается с помощью лексем: *капища и жьртвы*, *тухия коумиръ*, *блазньнымъ идоломъ*. Первое сочетание слов – *капища и жьртвы* – является синкретсемичным и обозначает места проведения языческих обрядов. В сочетании с глаголом «отъвѣрзая» лексема «жьртва» понимается как «жертвенник», «место для принесения жертв». Лексема «капище» обозначает «языческий храм (сооружение) или место для языческих обрядов».

Локус города трансформируют появляющиеся в Константинополе скульптуры, посвящённые богине Тухе (Тихе) (греч. Τυχη) – богине судьбы (фортуны), которая в Александрии и особенно в Антиохии среди язычников почиталась как покровительница города [10, с. 563; 15, р. 347]. Фраза «*творя костянтину граду тухии людская*» говорит о следующем факте: по велению Юлиана Отступника в Константинополе ставились Тухии человекообразные (скульптуры). В том же контексте они называются как «*тухия коумиръ*», «идоль». Слова «коумиръ» и «идоль» являются синонимами, которые обладают общим значением. Под ними понимаются объёмные изображения языческих богов для поклонения. В тексте жития они связаны с отрицательными коннотациями: языческая религия противопоставлена христианской вере и грозит Афанасию смертью, почему ему приходится бежать: *· инако не можеши крѣстьянъ претавити аще аванасия не погоубиши · тѣ ѡсть истинною основание црквамъ ихъ* [12, ст. 7г1-6].

Локусы памяти в житии

Локусное именование может быть связано с памятью о событии (локус памяти). Так как житие связано с христианским вероучением, то важными в нём будут события религиозного значения. Таким в житии Афанасия является вселенский собор в Никее: *· първыи же съборъ бысть въ никее* [Там же, ст. 6б2-4]. Если город как основное место действия жития (в данном случае – Александрия) может быть детализован, то для локусных именованных, связанных с исторической памятью, в этом нет необходимости. В сцене разговора цесаря с приведённым его сестрой Арием снова упоминается Никейский собор, связанный теперь с утверждением истинной веры: *· рече къ нему цсрь · пристанеши ли върѣ и исправленю · бывшии въ никее съборъ* [Там же, ст. 6в6-9].

Локусные именованные вводятся в рассказ в рассказ о Никейском соборе 325 года, характеризует место служения собирающихся на Никейский собор: *· ит рима же придоша // съ силъвестръмъ земли хранители // · витъ и викентии прозютера · митрофану · ит византия града · александрю изъ александрия · евстафию · ит антиохия · макарю · от иерслма на ария прозвутеры бывшая въ александрии* [Там же, ст. 6бб-15]. В тексте перечислены города, в которых архиепископы «именовались “папами” или “патриархами” (букв. “начальниками отцов”»)» [4, с. 28]. Важно отметить, что даны они в том порядке, в каком они шли по главенству и значимости в системе пен-тархии, или пятивластия, сложившейся во второй половине IV – первой половине V века и закреплённой на IV Вселенском соборе в 451 году [6, с. 452-453]. Видимо, сама эта часть – о Никейском соборе – в житии связана с IV Вселенским (Халкидонским) собором, так как на нём снова решался вопрос о божественной

и человеческой природе Христа. Таким образом, первый Никейский собор в тексте жития описан в представлениях, сложившихся к первой половине V века.

Только один из городов дан под титулом – город Иерусалим. Название этого города, связанного с библейской историей, достаточно часто встречается в рукописях и было известно каждому христианину.

Локусное именование «*византии градъ*» является древним названием античного города, на месте которого в первой трети IV века Константином Великим был создан новый город, получивший название Константинополь [7, с. 96]. Византия стало названием Константинополя в книжной литературе Восточно-Римской империи, откуда и попадало в переводные рукописи. Интересно, что только этот город в списке назван с уточняющим апеллятивом «градъ», а само перечисление напоминает список присутствовавших на соборе.

Пространственный образ мира в житии

Среди локусных именовании особым образом стоит выделить лексемы с пространственным значением, которые в тексте используются в метафорическом значении. Через их анализ выявляются способы языкового проявления пространственных универсалий, уясняется актуальная пространственная картина мира, заданная в житии.

Лексема «миръ» использована в похвальном вступлении и участвует в этической оценке деятельности Афанасия: *първостольника бывъша и въсь миръ трезвѣннѣмъ оупасъша* [12, ст. 5610-13]. Мир – слово с общим значением всего пространства, однако в примерах, подобных этому, появляется новое контекстное наполнение: мир можно спасать, значит, мир – пространство борьбы за святость и истинную веру. И в этом контексте периферийным значением становится значение ‘земное, мирское пространство’, в котором разворачивается борьба, а также ‘люди, народы’, которых спасает Афанасий.

После того как Афанасий стал преемником архиепископа Александра, Афанасий произносит речь против ереси, показывая готовность защищать веру. В этой речи использовано слово **всьселеная**: *можего имени дѣла пострадади въ изгонѣ бо сего вься вьселеная съгради са и црѣство и воинство сънидоша са* на нь [Там же, ст. 6аб-10]. Контекст этот интересен ещё и тем, что Афанасия воспринимали как человека, восставшего против всего мира за веру: “Even sixteen hundred years after his death, all orthodox Christians stand indebted to Athanasius, the man who stood *contra mundum*, «against the world» [16].

Лексема «всьселеная» является семантической калькой с греческого и входит в обиход в связи с появлением книжности, которая обозначала *всю заселѣнную, обитаемую землю*. Поддерживают такое значение в контексте слова с собирательным значением *црѣство и воинство*.

Жизнь Афанасия осмысливается как духовный путь: *и шьствнѣмъ проповѣданнѣмъ бжѣствннѣмъ старѣшиннѣство приобрете* [12, ст. 5614-17]. Лексема «шьствнѣ» не является локусным именованием, но в своём синкретичном значении обладает пространственной семантикой. Важным для осмысления пространства становится духовное движение, поэтому географическое пространство теряет свою значимость.

Заключение

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Локусные именовании становятся неотъемлемым компонентом реализации категории пространства в тексте. Они служат основой для описания категории пространства в житии, помогают эксплицировать связь категории пространства с сюжетно-событийной организацией текста, а также с представлениями о мире. Значимыми для житийных текстов становятся локусы памяти, встраивающие житие в контекст христианской истории.

Топонимы в житии, репрезентирующие пространство, называют города, капище, реку, с которыми связана сюжетно-событийная организация текста. Два городских локуса становятся центральными в житии Афанасия. В связи с описываемыми событиями они детализируются. Например, детализируется локус Александрия: местом крещения становится место чисто на берегу моря, местом укрытия – дом девы, сакральным местом – церковь. Подчёркнута связь Александрии и Афанасия, ставшего архиепископом города.

Городское пространство в житии становится местом борьбы языческого и христианского мировоззрений, что влияет на формирование аксиологической трактовки представленных в житии локусов: если Александрия становится местом средоточения христианского, то Константинополь с капищем и языческими идолами – языческим пространством.

Среди локусных именовании, связанных с христианской историей, в житии Афанасия встречаются только именовании городов. Важным становится упоминание о Никее в связи с рассказом о первом вселенском соборе. Другие локусные именовании – города, обозначающие места, откуда приехали участники собора, – номинируют реальное географическое пространство, создают вместе с тем в тексте и обобщѣнный образ христианского мира.

В тексте анализируемого жития образ мира репрезентуется лексемами «миръ», «всьселеная», контексты употребления которых репрезентуют мир как пространство борьбы за святость и истинную веру.

Лексема «шьствнѣ» в житии Афанасия эксплицирует семантику пути, который осмысливается как духовное движение. Путь героя, освящённого святостью, становится способом её распространения и утверждения, а он благодаря испытаниям получает возможность приблизиться к божественному миру.

В связи с этим важно подчеркнуть, что для жанра жития главенствующим является не перемещение по географическому пространству от локуса к локусу, а метафорическое переосмысление пространства через религиозную призму восприятия.

Перспективы настоящего исследования заключаются в сопоставлении локусных именовании и пространственной структуры жития Афанасия с переводными и оригинальными житиями, которые приводятся в Успенском сборнике, для выявления общих закономерностей функционирования лексических единиц и репрезентации категории пространства в житийных текстах, бытовавших в древнерусскую эпоху.

Источники | References

1. Антонова М. В., Семенюк Ю. В. Общие принципы композиционного строения славяно-русских переводных житий киевского периода // Ученые записки Орловского государственного университета: научный журнал. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2008. № 1. С. 147-155.
2. Библия. М.: Издание Московской патриархии, 1988. 1375 с.
3. Давыдова А. Б. Храмы Сераписа в Египте: социокультурный контекст // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2009. № 2. С. 83-91.
4. Кузенков П. В. Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I. Богословие. Философия. 2014. Вып. 3 (53). С. 25-51.
5. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
6. Патриархат // Большая Российская энциклопедия: в 35-ти т. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. Т. 25. С. 452-453.
7. Попов И. Н. Константинополь // Большая Российская энциклопедия: в 35-ти т. М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. Т. 15. С. 96.
8. Прокофьева В. Ю. Категория «пространство» в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87-94.
9. Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. 2006. Т. 57. С. 431-500.
10. Словарь античности / сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне; пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
11. Субботина Т. В. Локус, топос, уроним, микропоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 111-113.
12. Успенский сборник XII-XIII вв. / изд. подгот. О. А. Князевская, А. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М.: Наука, 1971. 770 с.
13. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 157 с.
14. Щеголёва Л. И. Житие святого Афанасия Александрийского в переводной литературе Древней Руси // Мир житий: сборник материалов конференции (г. Москва, 3-5 октября 2001 г.). М.: Круг: Имидж-Лаб, 2002. С. 12-25.
15. Contested monarchy: Integrating the Roman Empire in the fourth century AD (Oxford Studies in Late Antiquity) / ed. by J. Wienand. Oxford: Oxford University Press, 2015. 530 p.
16. Krycho Ch. Contra Mundum: A Biographical Sketch of Athanasius of Alexandria [Электронный ресурс]. URL: <https://2012-2013.chrskrycho.com/theology/contra-mundum-athanasius/> (дата обращения: 10.10.2020).

Информация об авторах | Author information

Ильин Борис Борисович¹

¹ Московский государственный областной университет

Ilyin Boris Borisovich¹

¹ Moscow Region State University

¹ bilin85@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): Успенский сборник; житие Афанасия; пространство; локусы; локусные именованья; Uspensky Collection; Athanasius the Great's hagiography; space; loci; spatial nominations.